

К силе русского духа, единению и мужеству в каждом из нас обращается Виктор Гаврилович Захарченко, композитор, художественный руководитель Кубанского казачьего хора, народный артист России и Украины.

— Виктор Гаврилович, я к вам с противным вопросом, который все задают: «Что вам надо?». Славы хоть отбавляй — не перечислить лауреатских званий, премий, дипломов... Кубанский казачий хор знают во всем мире. Вы смогли исполнить ваше призвание и ваш талант, имеете возможность продолжать служить искусству, у вас любимая и любящая семья, надежные друзья. Наконец, вы по своему желанию много лет поете в клиросном хоре Троицкого храма в Краснодаре, и этого никто не осуждает, и не отчитывает вас за религиозные убеждения. Деньги? Но их, как известно, не платят за патриотизм и служение народу, и потому от богатства у вас очень надежная «страховка». Благодаря чуду и врачам вы остались живы после наезда на вас автомашины и, дай Бог, скоро встанете на ноги. Сдали в издательство новый сборник песен. Первому внуку вашему исполнился год... Чего же вам еще не хватает для счастья, дорогой Виктор Гаврилович?

С ворохом вопросов в голове иду на встречу с Захарченко, который после великолепного и единственного выступления своего хора в Концертном зале имени П.И.Чайковского задержался по делам в Москве, и переживаю, как бы не обиделся его замечательный художественный руководитель: — Вот и вы, моя любимая газета, туда же: «Чего еще надо?». А дальше-то как наш разговор повернет? Наверное, скажет: «Много надо, так много еще никогда не требовалось и не желалось». «Может быть, раньше не было такой жгучей потребности?» — снова спрошу я и нажимаю на кнопку звонка.

... Дверь долго не отпирают. Наконец она распахивается, и вижу: посреди прихожей без костылей стоит Виктор Гаврилович и рядом с ним, подставив могучее плечо, приютивший в столице друг его, композитор Александр Дудник, и оба, счастливые, смеются.

— Я сегодня сам сделал три шага без костылей! — восторженно кричит Виктор Гаврилович.

Вижу в глазах его слезы, и все мои заготовленные заранее вопросы мгновенно рассыпаются в невидимый прах, как исчезает из памяти компьютера не закрепленный оператором текст. Человек же, в отличие от самых высоких современных электронных технологий, имеет неподвластную им особую память — генетическую. Какими частицами раздробленного в пространстве вселенной света угаснувших жизней поколений она доходит до нас через немоту эпох и столетий, вместе с нашим рождением поселяется в клетках нашего сознания неуспешной совестью предков?

— Вы не против, если мы будем с вами говорить о любви? — неожиданно предваряет наш разговор Виктор Гаврилович.

— О любви? «Все минется, — сказал апостол, — одна любовь останется», — откликается во мне, и я иду на его негромкий взволнованный голос. Голосу тесно в маленькой комнатке с книжными полками, он бьется о толстые кирпичные стены квартиры и становится от этого еще сильнее, — если бы его могли сейчас слышать все, кто идет мимо неприметного московского дома в глубине зеленого двора, кто проезжает по шумному шоссе Энтузиастов, все, кто в этой жизни устал и разуверился!

— Давно мучаюсь, не случайно же сложил Михаил Юрьевич Лермонтов известные со школьных уроков строки «Бородино»: «Да, были люди в наше время... — богатыри, не вы...». Еще живы остались от былых сражений с французским нашествием, и автор молод, но как строго судит он свое молодое поколение! Почему? Предчувствует, что отпущено ему немного гостить на земле, и он спешит любить Отчизну? Разве не в подобной возвышенной и возвышающей жертвенности Пушкин обнажал до невыносимой боли душевные свои нервы-раны: «Любовь к Родине более всего меня томил, мучала и жгла?!». Слова-то какие нашел: «томил, мучала и жгла»...

Собирая народные песни у нас на Кубани и раньше, когда работал с Сибирским хором, я анализировал, за что же умирали и погибали русские люди. Умирали не в песнях, а в жизни, по-настоящему, с кровью, болью, страдая и жалея, кого оставляли. «Вам умирать не трудно было за тех, кто будет после?» — спрашиваю своих далеких пращуров-славян. За какие богатства клали они головы, не щадили живота своего? Пропойте любую песню и услышите: за отчизну милую, за святую веру, за землю русскую, за други своя... И никогда — за золото, серебро и даже не за хлеб. Это сейчас нас стараются отучать от Родины, это сейчас лишаются жизни не за святые идеалы, а за скудоумие и жестокость алчных политиков, за материальные блага, за доллары, за нефть, за газ, за акции, виллы, «мерседесы»... Главное в жизни — не это «общечеловеческое» богатство, у нас, русских, совершенно другие духовные и нравственные ценности. И заповеди наши святы: чти отца твоего, не служи супостату, не ходи на поклон, не валяйся в грязи, не имей двух одежд, — то есть храни достоинство и бескорыстен будь.

Поддаться обману легко, особенно если забыл историю, и не помнишь корней своих, тем более что государственная политика и купленные средства массовой информации усиленно работают на подмену нравственных народных ориентиров, наших православных устоев и исторических традиций бездуховными западными шаблонами.

Я и сам думал, что в нашей жизни сегодняшней нет больше места подвигу, пока не пробил час и не отправились добровольцами в Приднестровье на помощь братьям казаки наши Николай Петин и Александр Берлизов, а вместе с ними и другие. Они оба были молоды, талантливы, у них были молодые жены и малые дети, и родители были живы, и они любили их. Не сказали родным, что уходят в бой за свободу братьев-славян и могут не вернуться назад живыми. К несчастью, так и случилось. Но такое уж у России сердце, что болит страданиями Отечества и чужими бедами, как своими, и толкает оно особые кровотоки судьбы-провидения: «Уж и есть, за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью, стать за честь твою против недруга, за тебя в нужде сложить голову!». Иван Никитин, середина прошлого века. А это Александр Твардовский, наш современник: «Советская Россия, родная наша мать! Каким высоким словом мне подвиг твой назвать? Какой великой славой венчать твои дела? Какой измерить мерой — что ты перенесла?... Мне давно легло на душу откровение поэта и хотелось положить на музыку слова признания в любви к Родине советской, но всякий раз что-то останавливало. Останавливала боязнь конъюнктуры: штатных аллилуйщиков у Советской власти всегда хватало, и попадать в их число не хотелось. Чтобы славить «ту» Россию сейчас, надо иметь мужество, благородство и верность идеалам. Надеюсь, мне их достанет.

Знаете ли, со мною происходит странное, а, может быть, так и должно, когда накапливается опыт жизни, когда точно знаешь: это твоя стезя и ничья другая, это твой крест и носи его, как бы тяжело он ни был. Мой крест — музыка, Кубанский хор, собиранье и сбережение культуры народа, возвращение утраченных и забытых духов-

ных песнопений, взращивание новых поколений в купели евангельских заповедей Православия, родной истории, национальной культуры и настоящего искусства.

О созданном у нас в Краснодаре Центре народной культуры Кубани, кстати сказать, со всем пониманием поддерживаемом местной властью и главой администрации края — патриотом России, батшкой нашим Николаем Игнатовичем Кондратенко, надо отдельно рассказывать. У нас молодежные фольклорные ансамбли, у нас школа, в которой 750 детей с пяти лет учатся музыке, пению, танцам, получают общее образование, по станциям повсюду творят самостоятельные коллективы и фольклорные этнографические ансамбли, — это в черную для

нами да так, как казак Тарас Бульба, сгорая на костре, страшил извергов: «Нет на свете другой такой силы, которая бы пресилила русскую силу!». И все сказал этим. Нет другой такой силы, не взыщите, господа, не поможет вам даже «ваше» НАТО. Мне хотелось бы предупредить народ наш измученный не предаваться отчаянию. Отчаяние и уныние — сами по себе большой грех. Не поддавайтесь безысходности, когда недруги наши трубят, будто Россия погибла, уничтожена и никогда не поднимется в своем былом величии и державном могуществе. Им только этого и надо, чтобы мы разуверились и согласились с их определением русского народа как быдла. Не впадайте в грех!

Наша духовная цивилизация слишком высока, не по росту тем, кто России не любит. Вслушайтесь, напою вам известные есенинские строчки. Они как псалмы звучат, отдаваясь каждым звуком души:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!».

Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою!».

Виктор Гаврилович пел тихо, будто робел перед каким-то строгим судьей, и лицо его высветлилось в поздних вечерних сумерках, было торжественно и

покойно:

Но дай мне зреть мои,
о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня
не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

— Из ваших новых песен? — также тихо спросила я Виктора Гавриловича.

Он не ответил, видно, не услышал вопроса и снова запел, но уже громче и напористее, словно бил в колокол:

Раздайся, благовестный звон,
И вся Россия огласится!
Тебя зовет и будит он, —
Вставай, мужайся, ополчися!..

Продолжил сразу, без перехода: «Умом Россию не понять...» — будет называться новый сборник духовно-патриотических песен, баллад и поэм на стихи русских поэтов. Сдали в издательство. Музыкальный редактор — профессор Александр Васильевич Дудник. Большие двадцати лет наш хор связывает с ним дружба, сроднились творчеством.

Работаю с упоением, пишу музыку, — я только исполнитель, настоящее подлинное искусство — это Божье озарение. Не надо забывать, что наши только грехи, а все высокое дается Богом. Болезни и скорби посылаются нам свыше для вразумления, и меня вразумили. Год назад мне казалось, что жизнь моя бесконечна, и успею исполнить все свои мечты и задумки, не торопясь. Но когда оказался рядом со смертью, понял, что жизнь может независимо от нас оборваться в любую секунду, и я стал ценить ее как самое большое богатство, посланное нам Богом, и критически относиться ко всему, что делаю, понимая и чувствуя, что можно лучше. Не было бы у меня скорби, и как знать, когда бы я дотянулся до этого нового сборника, в котором сорок произведений. Случались дни, писал по две-три песни, и сейчас читаю новые стихи, а во мне уже рождается мелодия и не одна, и пою, пою. И благодарю Господа за посланные мне скорби и за то, что остался жив и могу творить.

«Вставай, мужайся, ополчися!» Прекрасно, а?! Не все знают, что это тоже Тютчев.

Он заговорил восторженно, торопясь:

— Готовим новую программу к 185-летию Кубанского казачьего певческого хора, надемся с Божьей помощью представить столице в ее 850-летие наше народное искусство. В концерте, думаю, будет песня «Набат» на стихи Валерия Латынина:

Ударил колокол в набат,
Чтоб слышали в округе дальней:
— Вставай, народ многострадальный,
.....
За друга — друг, за брата — брат!
.....

Так медный колокол гласил.
От звона сотрясались крыши!..

— Здесь колокола будут бить и кричать, бить и кричать, — все содрогнется.

Захарченко уже бил в невидимые колокола и некуда было скрыться от тревожного созывающего набатного звона. И вдруг прорезает внезапную тишину тонкий голос — не голос, будто жалобный горестный плач ангела-хранителя:

...Но к звонарю никто не вышел —
Со всех концов глухой Руси...

Марина Крапущина петь будет, молодая солистка хора, — пояснил Виктор Гаврилович и замолчал.

В оступающем воздухе продолжало трепетать: «Но к звонарю никто не вышел...».

— Все? — спросила я отчужденно и глухо. — Нет! Не все! — взорвался Захарченко, тяжело и нервно поднимаясь с кресла на скользких костылях. Я посмотрела в его потемневшие, будто раненные глаза и поняла: звонарь — он.

— Не все! — снова повторил неистово и сразу тихо, усмиряясь и стыдясь внезапного своего взрыва, стал рассказывать:

— Лет тридцать пять назад, когда я учился еще в Новосибирской консерватории, прочитал в газете фамилию Г.Головатого, победителя какого-то конкурса молодых поэтов, заинтересовался: что можно великого сказать двумя четверостишиями. Прочитал:

Слепые не могут смотреть гневно,
Немые не могут кричать яростно.
Безрукие не могут держать оружие,
Безногие не могут идти вперед.

Но слепые могут кричать яростно!
Но немые могут смотреть гневно!
Но безногие могут держать оружие!
Но безрукие могут идти вперед!

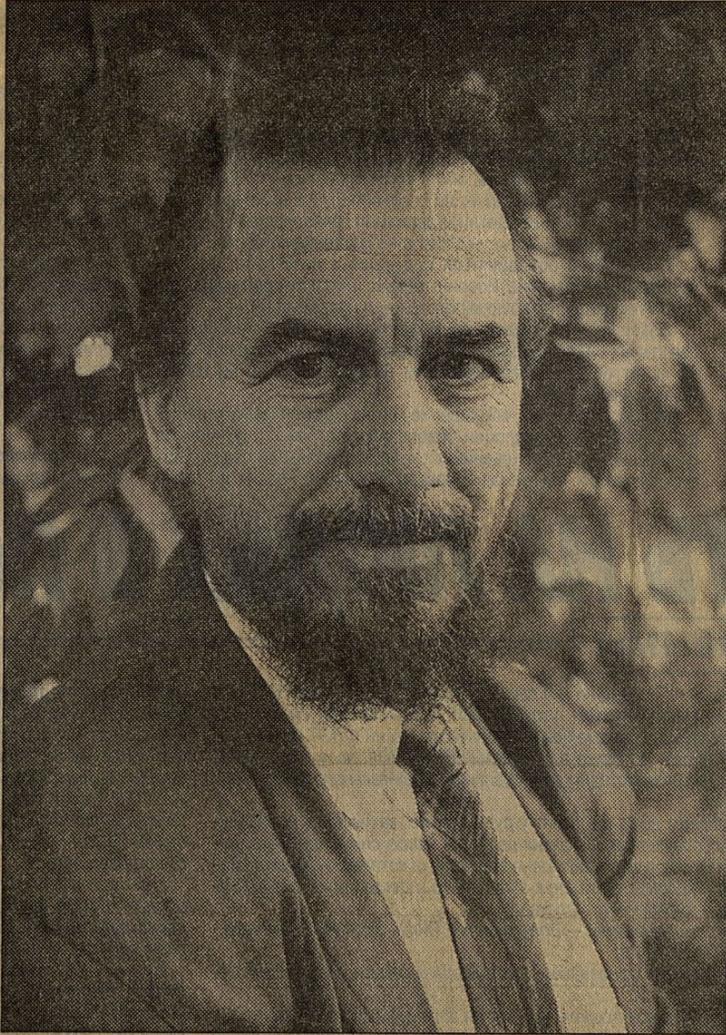
Стихи жили во мне все эти годы, и давно родилась и жила вместе с ними их музыка. Недавно я лишь записал на ноты. Но и теперь еще не все.

Виктор Гаврилович был тих и задумчив. На другое утро он улетел домой, в свой Краснодар, к своему хору, к семье и к новым песням.

Луиза ГЛАДЫШЕВА.

Фото Александра СУШЕНКА.

«... ЕЩЕ МОЛЧАТ КОЛОКОЛА»

всех годину, когда сатанинские силы хотят уничтожить Россию! Понимаете, мне и моим единовверцам и единомышленникам никто этого не поручал, никто не озадачивал, как говорится. Я сам взял на себя такую миссию, и Господь благословил нас на православное наше подвижничество, и суть его в том, как мне чувствуется, делать для России все, что можешь. Я не политик и тем более не бизнесмен, служу выучившему меня Отечеству профессией своей и служу как потомственный черноморский, запорожский казак. Россия для казаков, для русских людей — святая святых, Матерь Божия.

Думаете, случайно вбивается в наши головы со всех теле- и радиоканалов: «Русская мафия, русская мафия, новые русские, новые русские...». А у них и фамилии-то нерусские. Много ли среди богатых русских? Поищите. Среди безработных — да, много. Среди тех, кто работает и не получает зарплату, — много. Может быть, в правительстве нашем тоже русские? Уж не чубайсы ли, немцовы, кохи, уринсоны, батурины и прочие... Они что — ради России и народа российского «стараяются»? Им надо России опорочить, опозилить, втоптать, заклевать. В русской идее, которую тысячелетняя Русь стоит, в вере православных их более всего страшат наша русская соборность, наша способность постоять за веру и за Отечество. Слетается воронье, прыгает, тризну предвкусывает, кощунствует, глумится — сочиняет «национальную идею»... Сил нет смотреть на глумление, на то, как заказные проповедники другой веры наизадают и поучают нас, православных, уезжать из России, находить счастье в деньгах, менять и перебирать жен и мужей, не дорожить семьей и не рожать детей, жить животными инстинктами, обманом, ложью, казнокрадством. Они знают, какие сорные вредные всходы дают унавоженные ими и засеянные «полю чудес» и потому множат бесконечные безумные шоу. Они у нас и Пушкина крадут. Слышали, как «прогуливался» в радиозфире с Александром Сергеевичем литературный критик или еще кто-то: Абрам Терц? Может быть, у него было гражданство не российское, — может быть. Дело не в этом. Гражданство и ГРАЖДАНИН — понятия разного достоинства. ГРАЖДАНИН ПУШКИН, гениальная его поэзия и гениальная прозорливость даже спустя два столетия не устраивают людей безвестных народу, и они, не стыдясь своего низкого моралисповедания, представляют всемирного русского поэта как любовника-проказника и пошляка. Как надо ненавидеть Россию! Все смертные и все грешники, не грешен лишь Господь. Не судите да не судимы будете. Не крадите у нас нашего гения, не богохульствуйте! Уж вам-то воздастся.

Опасные это игры и прежде всего для самих игроков. Как помимо нашей воли наступает каждый завтрашний день, так наступит по воле Божьей и время ответа. Не долго, думаю, осталось ждать.

Народ потихонечку просыпается от дурного мертвецкого сна. Ничего, что долго спим и медленно запрягаем, — любят нас по этой причине укорить, подначивая, да ведь из недавней истории знаем, что «зачинщиков» находилось немало, а в чести не осталось. Ехать придется длинно. Для себя я очертил цель моей жизни: идти и будить. Будить! Помочь людям очиститься духовно, напомнить, что мы — великая нация и не считан вклад наш в мировую историю, мировую культуру, мировую науку, мировую геополитику, в само существование мира как такового... Слишком много русских могил повсюду, чтобы забыть насытившейся Европе о подвигах славян. Запаять-товала, видно, какой народ и ценю каких жертв спас ее от нашествия чумы, и теперь на русских патриотов клеят ярлыки.

Но не об этих глупцах речь. Речь о том, чтобы очнуться нам, живущим в нашей стране, и собраться с духом и си-

Захарченко

Виктор

12.07.97.